

Владимир Капшиников

Могу об этом рассказать

Жили мы в Томске. Отец, Алексей Павлович, был на все руки мастер — кузнец, слесарь, плотник. В 1920 году был лозунг о слиянии города с деревней. Отец считал себя сочувствующим большевикам. Поэтому добровольцем выехал с семьёй в деревню Баргатёр на реке Чае. Жили тогда в этой деревне в основном кержаки, они относились к новосёлам враждебно. Оно и понятно, они строго поддерживали свои обычаи, свою веру, которую могли нарушить новые поселенцы. Вот и не сложились отношения с кержаками у отца, да и не у дел оказался он со своей рабочей профессией. Переехала семья в Ермаловку. Решили заняться крестьянством. Раскорчевали участок тайги, распахали, дом свой построили. Обзавелись лошадью. По сей день то поле люди называют Капшиниковым. В тот год в том крестьянском доме я и родился. Дом наполнился детьми. Лет с пяти начинали помогать по хозяйству. Помню с детства вкус каравая, который мать пекла из собственной пшеницы. Хлеб на столе тогда ещё был. К нему в приварок хватало рыбы, грибов, ягод, дичи, ореха. Да и в хозяйстве скотину держали.

Всю эту жизнь изломал страшный 31-й год. По Чае, Иссе на баржах привозили спецпереселенцев, тини полторы на каждой барже. Искудавших, еле живых, высаживали их на берег, прямо в тайгу. На всех — несколько ручных пил и топоров. Обживайся, как хочешь. В землю закапывались, да мороз и голод их там находил. Муки в первую зиму им выдавали столько, что на щипкую болтушку не всегда хватало. Ели даже кору бе-

рёзовую. Что ни день, хоронили десяток человек, погосты росли у околицы не по дням, а по часам. Нищие толпами ходили, да разве всех милостыней спасёшь, когда их сотни на каждый наш обжитой двор приходилась. Тут и нас потянули в колхоз.

Из архивных документов. За 1931 год в Чаинском районе умерло 3720 человек. Около 500 человек скончалось по болезни и старости. Причиной остальных смертей был голод. Для сравнения: Великая Отечественная война за четыре года унесла жизни 2150 чаинцев.

Голодным выдался и 33-й. Правда, нас спасала тайга. В тот год я кончил начальную школу. Большую семью надо было кормить. И в свои тринадцать лет пошёл я в промысловики. Отец вручил мне ружьё, стал я добытчиком пушнина, дичи. Сдавали в сельпо, но кое-что перепедало и на семейный стол. Отец с матерью в колхозе трудодни зарабатывали, на которые давали маленько отрубей. Мы по-прежнему жили хутором, а вокруг него выросли деревни переселенцев — Совнарим, Табуга, Еремилровка, Сухой Лог и многие другие. Поле наше и лошадей отдали в колхоз, тут и забыли вкус настоящего хлеба — весь урожай забирали в госпоставки.

Тут начали, кажется, в 36-ом, развивать лесопромысловое хозяйство. Первым начал действовать Иксинский лесоучасток. Отца назначили его начальником. Зажили мы получше, деньги в доме появились. По совету отца я поступил в Томскую лесотехническую школу.

Вдруг в марте 1937 года ночью арестовали отца, а вместе с ним директора леспромхоза Шакова, главного технолога Антипа, председателя рабочкома Голубева, все они были ком-

мунистами. Забрали и беспартийного десятника Трушлякова. Отец был кандидатом в члены партии. Арест производил начальник райотдела милиции Бяков и начальник районного НКВД Кант. Позже оба они попали в разряд "врагов народа" и безвестно исчезли.

Разве мог я, подросток, предугадать тогда страшные последствия приклеенного нам ярлыка "семья врага народа"? Учился я успешно. Однажды на свалке нашёл ржавый наган. Из него и стрелять-то нельзя было, да патроны у мальчишки откуда? Почистил, иногда играл им, ведь все мы мечтали о подвигах, о войне "с белыми" за мировую революцию. Как-то показал "игрушку" своему другу по лесотехникуле Ване Лютикову. Тот попросил: "Дай поносить". Не знаю, кто донёс на Ваню, но буквально на следующий день ночью нагрянули с обыском в общежитие. Нагана не нашли, но Лютикова арестовали. Прямо с выпускного экзамена через день меня вызвали в коридор. Какой-то в штатском предложил прокатиться на лошадке. "Да ты не бойся, поедem в общежитие". Я сразу понял, что дело связано с наганом, и всё, как есть, выложил ему по дороге. Привёз меня этот человек в НКВД. Там я повторил следователю Тарасову всю нехитрую историю с находкой "железки". А он как начнёт кричать: "Ты террорист, тебя к стенке надо ставить!" И матами кроет.

Втолкнули меня в подвал здания НКВД, а там битком народа, сотни полторы на нарах и под ними. Вонь, духота, тут же и оправляются. Забился я в уголок.

Утром нас поднял староста Пушкин, матерый уголовник, обличем на гориллу смахивал. И провёл "профилактическую беседу". Если маты выкинуть, то смысл такой: беспрекословно

вы обязаны подписывать любую бумагу, которую вам предъявит следователь Галушкин. Иначе дело иметь будете со мной.

Насколько реальна была эта угроза, я убедился в тот же день. Следователь НКВД Галушкин положил передо мной готовый протокол допроса. Читаю — глазам не верю. Оказывается мы с Леткиным являемся членами подпольной террористической организации, готовившей покушение на Эйхе^{*)}. Да ещё распространили антисоветские прокламации. Эйхе вскоре расстреляли, что и сохранило мне жизнь. Отпало обвинение по статье 58-2, осталась 35-я, а это уже не смертный приговор.

Но это было потом, а сейчас подпись Вани Леткинова стояла под тем протоколом. Я воспротивился. Но тут же вошли "ассистенты", поставили меня к стенке лбом и начали избивать. Пришлось подписать. "Тройка" вынесла приговор: 3 лет каторжных работ плюс 5 лет поражения в правах.

Полмесяца адской тесноты в скотском вагоне. Догадываемся, что везут куда-то на Дальний Восток. На одной из станций, увидев на перроне знакомого парня, успеваю бросить ему записку, чтоб переправил весточку домой. Спасибо ему, записка после долгого путешествия дошла. Наконец, добрались до Камчатки. Тёмные подвалы с нарами — наша тюрьма. Работаем грузчиками по 12 часов. Если срочный груз, то ещё оставят на пару часов. Кормят рыбой, подошли к бочке и ешь вдоволь. Но быстро усваиваем коварный урок: пресной воды получишь строгой норму. Лагерная охрана придумывала на этой почве даже особые развлечения. После того, как мы выпарим из организма все запасы влаги, таская бесконечные грузы по трапам, нас кормят солёной рыбой, мол, соль удерживает жи-

^{*)} См. примечание на стр.

кость в организме. Голод у нас не спрашивал совета с головой, ели. Начинаются муки жажды, люди стонут, кричат. Тут кто-нибудь из конвойных полным ковшом подносит из ведра воду. Не подозревающие подвоха арестанты хватают ковши, жадно пьют, пока судорога отвращения не сведет лицо и не появится рвота. Вода оказывается морской. Конвойные смеются, глядя на страдания людей. Да разве мы люди были для них? Или вот ночью обольют спящих из ведра пресной водой. Ах, как смешно: проснувшись в испуге, мы пробуем на вкус влагу, стекающую с байкового одеяла. И жажда вынуждает сосать её из одеяла и одежды.

Навигация закончилась, и нас этапом отправляют на Коллму. Сначала пароходом до Магадана, а там 500 км пешего пути, где "шаг в сторону считается побег". Наконец, речка, по берегам которой разбросаны семь участков золотого прииска. Семь лагерей, ограждённых кольчей проволокой. До сих пор удивляюсь, сколько же это кольчей проволоки сумела изготовить промышленность страны. Голая гористая пустыня, покрытая чахлам лесом, болота под мохом, изобилие ягод. Копни ногей эту "подушку" — там вечная мерзлота. И в душе эта мерзлота останется вечной.

Спешно, не-заирая на смертельную усталость, рубил бараки, свою собственную тюрьму. Все мы разбиты на бригады. Бригадир — царь и бог в бригаде, его назначают из тех, кто желает выслужить послабление и способен быть безжалостным к остальным. У каждой бригады свой блок в каком бараке, своя печка из железной бочки и коллективные нары со строгим разделением мест. Всюду царствует норма. В бане — два ковша воды на каждого, расход дров в бараке — по 8 килограммов на блок в сутки. Дрова считали по весу. Выполнил норму на промывке

(это 14 граммов золота на человека в день) — получи хлебную норму по килограмму. Не выполнил — 400 граммов, можешь хоть завтра ноги протянуть на пятидесятиградусном морозе. Всё, что выходит за пределы нормы, наказуемо: голодный паёк, лишение приварка, карцер, расстрел прилюдно или просто избивание. Особенно страшен изолятор. Он срублен в сотне метров от барака. Одни стены без утеплителя, без печки внутри. Взял лишнее поле-но дров, не так ответил начальству, сломал нечаянно лопату или кайло — ночевать будешь в изоляторе. Часто утром из этой страшной избы выволакивали труп, уже успевший затвердеть.

Надо сказать, что массовых расстрелов на нашем прииске не практиковалось. Хватало других способов отправить заключённого в "мир иной". Хорошими сменниками для наших палачей были мороз и цинга. При этом строго выполнялся лагерный ритуал захоронения. Неподалёку от изолятора была выкопана траншея, по мере надобности наращиваемая в длину. В неё поленницей складывали трупы. Благо, вечная мерзлота и летом сохраняла их неделю-другую от разложения. Закапывали по мере вырастания "поленницы" до краёв траншеи. Умершему обязательно привязывали к ноге фанерную бирку с номером. И непременно в ритуал входило снятие отпечатков со всех пальцев обеих рук. Если труп оказывался мёрзлым, его оттаивали, чтобы эти отпечатки можно было тиснуть.

Большое значение в лагере придавали соревнованию. Учитывая вечно голодное наше состояние, придумывали особые стимулы, ради которых человек был готов отдать последние силы. Например, у нас была борьба за "красную тачку". Я сам её мастерил и раскрешивал, выглядела она как сувенир — привлекательно. Утром эту тачку наполняли продуктами, клали в неё несколько

булок хлеба, круг колбасы, несколько луковиц (мечта цинготников!) и литр спирта (вообще мечта замерзающих доходят). На особом помосте, у всех на виду, устанавливали эту бесценную тачку. Бригада, добившаяся за день рекордной выработки, вечером могла пировать, получив её в награду.

Поначалу неопытность эков кончалась для них скорой смертью в борьбе за такой приз. Выдержать голодному на морозах 40-50 градусов напряжённую работу можно самое большое неделю-две. Вспоминаю бригаду Орлова, был такой ухарь, здоровый мужик этот Орлов. Ему, богатырю, казалось поначалу простым делом брать богатый этот приз. Умел из других выжать соки до предела, по четыре нормы делали. Осенью он бригаду принял. А с первыми зимними морозами его бригаду смертной косою начал выкашивать мороз, люди обессивляли. Больше половины бригады легли в траншею.

Добрый словом вспоминать буду всегда своего друга, с кем рядом спали на нарах, Коло Устинова. Говорят, бывают из правил исключения. Устинов был тем самым исключением среди бригадиров. Он часто рисковал собой, чтобы хоть чуточку при случае облегчить участь эков. И однажды поплатился жизнью. Желая облегчить выполнение нормы на промывке золотоносной руды, он упростил одну операцию, что ускорило и облегчало весь процесс. Правда, при этом какая-то малая доля золота могла уйти в отмычку со сливом. Об этом стало известно начальству. Николая под конвоем провели по всем участкам, чтобы все видели, потом поставили лицом к стене и выстрелом в затылок убили. В назидание нам тело его целый день не убрали, лежало оно на территории около барakov.

В одной бригаде со мной некоторое время отбивал каторгу

замечательный человек, начальник штаба армии Блюхера Штерн^{*)}. К ним, бывшим офицерам Красной Армии, отношение в лагере было ещё более издевательским. Невольно вспоминалось, как на первых моих допросах ярял следователь Галушкин: "Передо мной полковники плакали, не то, что вы, солляки!" Унизить бывшего штабарма Штерна считали рядовые конвоиры каким-то утешением собственного тщеславия. Но и в таких условиях не унизились этот человек, наоборот, он поддерживал наш дух, находил особые слова, от которых верилось, что правда когда-нибудь победит. Не зная его дальнейшей судьбы, только долго хранил клочок бумаги с его автографом — запиской на волю. Он верил, что я выйду живым.

Трудно было с годами сохранить эту веру. Росла траншея, лагерь перемолачивал всё новые этапы пополнения. Вот несколько картин лагерного быта. От колыхских морозов сапоги не спасали, зимнюю обувь мастерили мы сами. Из доски вытёсывали и востругивали деревянную подошву, к ней гвоздями приколачивали головки и голенища из брезента. Размер делали такой, чтобы влезало побольше сухого мха на стельку. Портянки и толстые моховые стельки, пока были связями, как-то спасали ноги от обморожения, хотя стоять на месте нельзя было. Только движение сузило остаться до вечера живым, хотя бы из последних сил. До сих пор мои руки и ноги, обмороженные десятки раз, сохранили чувствительность к холоду. Очень трудно было входить в ритм движения утром, после подъёма, раздачи пайки и долгого стояния в строю

*) Штерн Григорий Михайлович (1900—1941), член партии с 1919 г., Герой Советского Союза, генерал-полковник. В 1937—38 гг. главный военный советник в Испании, член ЦК ВКП(б) в 1939—41 гг., перед войной — начальник Управления ШБО. Расстрелян в октябре 1941 года в Саратове. Возможно, автор воспоминаний не совсем точен и речь идет о ком-то другом, но сути дела это не меняет (прим. редактора).

на разнарядке. Завтрак — хлеб и чай. На обед — баланда из овсянки, которую выливали через край миски. На ужин — снова чай и остатки хлеба, если оберёт. Между ними целый день мозг наполнен одной мыслью — что бы съесть и как хоть на минуту укрыться в тепле. Баланду обычно приправляли головками сельдидки. По праздникам её слабривали кусочком таленъего сала.

Где-то гремела война, потом стали и до нас доходить её победные вести. А в нашей гулаговской жизни всё шло старым порядком. Только в новых партиях заключённых, приходивших на смену мёртвым, теперь были советские военнопленные.

Кончался мой срок заключения. Но чем ближе подходил заветный день, тем меньше оставалось надежд на освобождение. То и дело зачитывались приказы: "За нарушение режима... за порчу имущества... за выражение недовольства порядком... такому-то удвоить срок". Мы называли эти приказы "гараниноними" по фамилии начальника управления лагерей Гаранина. Не обошёл и меня такой приказ в конце 45-го.

Потом были новые этапы, новые лагеря на лесоповале в Красноярском крае, где было не менее трудно и голодно. Что помогло мне выжить? Наверно, молодость и сибирская закалка с детства. Своё 17-летие я отметил в лагере. Но до ареста успел и с тайгой освоиться, сутками охотничать зимой, спать в снегу не простирая, и научиться у отца ремеслам столяра, слесаря, пилопера. Пригодилось всё это очень в лагерной жизни. Тачки ремонтировать меня направляли, а это уже недели-другую работа в тепле. Обузь мастерить доводилось, топорища ладить, точить пилы, кабли, лопаты доверяли мне. Передника в тепле вывадала, а это спасение. Однажды на лесоповале заметил тропы зайчьи, тайком несколько петель поставил. Пара зайцев попала. Довло до начальника, что

есть у меня заячий мех. Попросил он жену на пубку добыть и выделать пушнину. Ответно послабление выпало — пару выленок мне услужил. Хотя в лагерных медпунктах приходилось валяться после обморожений не раз. Зубы полностью цинга отняла.

На лесоповале познакомились мы с будущей женой Марией Фёдоровной, поженились после освобождения. Так уж повезло, что вместе вышли на свободу, в тот же день и о женитьбе оговорились. Вместе и домой приехали, вместе и живём по сей день, внуков нянчим. 30 лет мне было, а выглядел на все полста, 13 годочков лагерных испытаний своё взяли.

Но сколько невинных не дожили до восстановления справедливости! Отца реабилитировали посмертно. В каком лагере покоятся его останки — мы, сыновья, не знаем. Последняя весточка о нём дошла в предвоенном году из лагеря где-то в Закавказье. Надо до конца довести восстановление чести погибших в лагерях и застенках сталинизма. Это долг правды и милосердия. Иногда слышал: "Зачем копать в давно ушедших временах? Ничего все равно не вернёшь". Веру всем надо вернуть, с открытой душой и совестью воздать память невинно оклеветанным и казнённым. Поимённо назвать и жертвы, и их палачей. Не ради мести, а чтоб совесть людская никогда больше такого не позволила. И пусть эту правду рассказывают те, кому обокло судьбу тем полнеем и кто может об этом рассказать.